

Евгений Мышкин

Космология Башлачева

Песни Русского
Посвященного

Евгений Мышкин
Космология Башлачева.
Песни Русского Посвященного

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40148161
ISBN 9785449610423*

Аннотация

В книге показано как три этапа в творчестве Александра Башлачева отражают три этапа инициатического пути посвященного. На этой основе делается попытка воссоздать космологию Башлачева, его взгляд на мироустройство. В результате книга приводит к выводу, что несмотря на наличие христианских и даже индоевропейских мотивов, мифопоэтика Башлачева восходит к русскому язычеству, Велесу и Баба-яге. Впервые показаны многочисленные параллели в его песнях с исследованиями Афанасьева о русских сказках.

Содержание

Верный путь	5
Великое делание	5
От винта!	11
Молочный путь	19
Густой замес	23
Тетрадь	27
Работа в черном	31
Очищение	31
Мельница	34
Работа в белом	41
Просвещение	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Космология Башлачева Песни Русского Посвященного

Евгений Мышкин

Так слушай, как же нам всем не стыдно?

Эй, а! – спасите ваши души!

Знаешь, стыдно, когда не видно

Что услышал ты то, что слушал.

Александр Башлачев

Как и что обрел-обнял летящий Башлачев?

Егор Летов

*Россия это ледяная пустыня, по которой
бродит лихой человек с топором.*

Константин Победоносцев

© Евгений Мышкин, 2019

ISBN 978-5-4496-1042-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Верный путь

Великое делание

«Поэт в России – больше, чем поэт», – как сказал Евтушенко. Со времен Пушкина повелось, что поэт в России это «пророк». Однако, очевидно, что не все так называемые поэты являются пророками, иные из них являются просто рифмоплетами на злобу дня, иные воспевают светлое, доброе, разумное, вечное, и лишь не многие смогли выйти на уровень созерцания идей (логосов), то есть поистине стали пророками.

Александра Башлачева по праву можно причислить к таким пророкам. Его жизненный путь был краток. Он пришел из города Череповец, что рядом с Вологдой, то есть фактически из ниоткуда, три года подобно Христу проповедовал своими песнями, и ушел в никуда, раскинув руки и вылетев из окна.

Не все коллеги по цеху смогли оценить его масштаб. Так, Евтушенко в своей антологии «Десять веков русской поэзии» писал:

размашистый темперамент Башлачева, заряженный протестной ширию, не выдержал искусственно маргинального существования. Вместо «квартирников», записей на дому ему нужен был постоянный выход на большие площадки, на радио и телевидение.

Евтушенко увидел в нем только «протестную ширь». Однако это взгляд в целом постороннего человека, более близкие люди думали иначе. А. Троицкий, открывший Башлачева широкой публике, в своей статье «Один из нас» пишет о его последних годах:

В это время Башлачев увлекся магией русских слов: он искал их корни, созвучия и через них – истинный, потаенный смысл речи. Все его последние песни – удивительная игра слов, но не формальная, а совершенно одухотворенная.

Троицкий также вспоминает как водил Башлачева к Вознесенскому:

Вознесенский дал такую кисло-сладкую оценку. Он сказал, что да, очень талантливый парень, есть потрясающие метафоры, очень интересные тексты, но при этом Вознесенский сказал: «Он не совсем в моем вкусе. Слишком много в нем всего такого русского-народного, фольклорного, мне это не очень близко. Гребенщиков – тот парень, которого ты ко мне раньше приводил, – мне все-таки ближе»

Критик Курицын писал, что вместо того, чтобы снискать славу занимаясь концептуальным стебом, Башлачев предпочел «не просто традицию, а самую страшную и болезную – русскую».¹ Исследователь Башлачева С. Свиридов выделяет три этапа в его творчестве, которые заключаются во-первых, в чувстве небытийности сущего, затем в переживании реальности людской жизни и смерти, и, наконец, в прорыве в высшее бытие²:

Итак, эволюция Башлачева – это путь от рационального предмета и к иррациональному (абсолютному) предмету и слову. В семиотическом аспекте – от конвенционального знака, аллегории и метафоры, к символу и мифу. ... В духовном плане Башлачев сочетает стремление к обновленной, дионисийской вере с христианской этикой жертвы.

Еще точнее эти три этапа эволюции Башлачева характеризует Гавриков³:

– «Я» находится в профанном мифе. «Я» разрушает профанный квазимиф.

– «Я» выходит на уровень личностного мифа. Я создает личностный миф (начало этого процесса видим в башлачевском двоемирии).

– «Я» обнаруживает в личностном мифе новый

---

¹ Курицын В. Русская смерть

² Свиридов С. В. Поэзия А. Башлачева: 1984 – 1985

³ Гавриков В. А. Мифопоэтика в творчестве Башлачева. 2007

всеобщий сакральный миф (абсолютную истину).

На самом деле эти три этапа творчества Башлачева соответствуют трем этапам инициатического пути, который приводит к познанию Божественного Принципа. Инициация это посвящение, то есть переход за грань из старого в новое качество. Посвящение в древности заключалось в отрыве от материального мира и переход через символическую смерть в мир духовный, переход от тьмы к свету.

Согласно христианской традиции духовная, инициатическая практика делится на три ступени. Дионисий Ареопагит описывает их как очищение (от страстей), просвещение (стяжание добродетелей) и совершенство (боговедение, обожение, теозис). В алхимии эти три ступени закодированы как работа в черном (нигредо), работа в белом (альбедо) и работа в красном (рубедо), а сам путь назван Великим Деланием.

Работа в черном это работа со свинцом, с кусками руды, разложение старой материи. В духовном смысле она сводится к духовной брани и очищению от страстей. Чтобы прорасти, стать новым растением (неофитом), зерно должно умереть. В это время происходит исчерпание низших возможностей, которое символизируется как спуск в ад. Дантэ так его и описывает в Божественной Комедии, Башлачев поет о «семи кругах беспокойного лада». У Башлачева этот этап выражается в сатирических песнях его раннего творчества 1983

—1984 гг («Палата номер 6», «Слет симпозиум», «Подвиг разведчика»). Сатира, через высмеивание негатива и порока, приводит к отрешению, абстракции от него, в чем и заключался смысл «смеховой культуры». Сам Башлачев называл этот этап «бардовым», а следующий «рок-н-рольным».

После очищения свинец превращается в серебро – это работа в белом. Это этап природного созерцания и Любви. Зерно начинает прорасти под влиянием Солнца. Этот этап соответствует поэтической зрелости Башлачева 1984—1985 гг. Это сильные, взрывающие чужую броню, энергетически насыщенные песни – «Время Колокольчиков», «Некому Березу заломати», «Лихо», «От винта», «Ванюша».

Третий этап заключается в обретении Философского камня, который позволяет конвертировать металл в золото. Это рубедо или работа в красном. Это этап сверхъестественного созерцания и достижения Божественного принципа, того, что он назвал Имя Имен. Это работа с логосами, корнями слов, «магия языка» в таких песнях как «Вечный Пост», «Посошок», «Имя Имен».

Здесь нужно сразу отметить, что Великое Делание это активная работа духа, «Царство Небесное силою берется» (Мф 11:12). В связи с этим использование наркотиков является попыткой войти в духовный мир с черного входа людьми,

которые обычно не обладают необходимой квалификацией, что приводит к различным отклонениям. Некоторые полагают, что именно наркотики (грибы) привели Башлачева к самоубийству, однако это все же маловероятно. Его жена, Анастасия Рахлина, поставила точку в своем интервью:

Саша не употреблял наркотики. Точка. Напротив, у него была стройная теория о наркотиках, как о некоем лифте, на котором, конечно, можно куда-то подняться в своих, скажем так, интеллектуальных исканиях, но, во-первых, все равно назад приедешь, а во-вторых, душа должна работать сама. Потому что даром, как уже говорилось, ничего не дается.

Все же наркотики он хоть и не употреблял, но определенно пробовал, и определенные видения и метафоры используемые им в стихах, можно отнести на их счет.

От винта!

Работа в черном есть смерть для внешнего мира, однако по выражению Эволы, это не медленное умерщвление себя, а такая концентрация душевных сил на Божественном Принципе, которая приводит к диссоциации души от внешнего мира. Владислав Мамченко вспоминает о последней встрече с Башлачевым в ноябре 1987 г:

Я хорошо помню атмосферу нашего последнего вечера. Олег сидел, нос повесив, да и я как-то сник. Такая мрачная туча повисла. Ее создал Башлачев своей отгороженностью от нас, да и от всего окружающего мира. В завершение вечера Башлачев просто встал и сказал: «Ребята, нечего со мной разговаривать... Вы разговариваете с **живым трупом**». Я это помню слово в слово, потому что на меня это сильно подействовало. Мы ведь тогда были молодые ребята, жизнерадостные, ни о чем таком не думали. Вот так, весь в себя ушедший, он от нас и ушел.

Ирина Гутор рассказывает о том, что Башлачев вышел из социума, что тоже есть результат работы в черном:

Как-то он рассказывал мне о том, что вышел из социума и никогда туда не вернется. Он вышел из социума, как на ходу выпрыгивают из поезда. «Я теперь вообще здесь ничего не понимаю, и знать не хочу». То есть он считал, что ты боишься чего-либо,

потому что находишься как бы внутри **поезда**. А когда ты его покинул, ты уже ничего не боишься. Все, что было в прошлом, связывало его и мешало делать то, что он делал. Для этого ему необходимо было быть вне социума, вне законов, вне правил. Я вообще-то в ужас пришла, я бы так не смогла, он не красовался, он правду говорил.

Его уход некоторые связывают с тем, что в последние месяцы он больше не мог писать стихов. С внешней точки зрения его уход из жизни казался результатом депрессии, мол «не вписался в рынок». Так Ревякин (группа «Калинов мост») вспоминает:

Он ничего не ел уже... Мясо не ел, говорил, что не может есть. Жили тогда тяжело. Для Ольги, жены моей, было непонятно, что человек к ужину так отнесся. Тем более, видно было, что он давно не ел... Единственное, что мне удалось сделать, – это заставить его переодеться в другую одежду. Мы сняли с него ватные штаны, он помылся. Мы дали ему майку, джинсы моего товарища... У него была депрессия, ничего он не мог с собой поделаться, как его ни бодрили...

Даже если он и осознавал свою депрессию как болезнь, хотел бы он излечиться? Что-то подсказывает что нет. Как он сам спел в «Палате номер 6»:

Хотелось закричать – приказано молчать.

Попробовал ворчать – но могут наступать.

Хотелось озвереть, кусаться и рычать.

Пытался умереть – успели откатать.

Могли и не успеть. Спасибо главврачу
За то, что ничего теперь хотеть я не хочу.
Психически здоров. Отвык и пить, и есть.
Спасибо, Башлачев. Палата номер шесть.

О последних минутах Вачеслав Задерий вспоминал:

СашБаш трижды приходил в тот день... Все происходило в квартире его фиктивной жены Жени Каменецкой, в одной комнате Женя и ее парень были когда это случилось, а в другой комнате- СашБаш. Женька потом рассказывала, что он разбудил их рано, часов в восемь- говорит: «Вставайте. Посмотрите утро какое – солнышко, снежок. Пойдемте в баньку сходим...» Они, конечно, не встали, и часов в девять он снова приходил их будить. А проснулись они от того, что в квартире стало необычайно тихо...

Люди более чуткие к духовным материям воспринимали уход Башлачева по другому. Так, Ирина Линник (Кузнецова), «комаровская ведьма», на даче которой в Комарово Башлачев жил последние два года своей жизни, говорит:

Я не могу назвать это самоубийством. Саша совершил этот шаг не для того, чтобы уйти отсюда, а для того, чтобы прийти туда. Он искренне верил, что кто-то там ждёт его. Он не упал из окна, он не выбросился, он вылетел. Его тело нашли в 12 метрах от стены нового блочного дома... и остался след в форме большой

земляники. На снегу след, как он писал «земляника в лукошке»... Саша был в здравом рассудке. Это был чрезвычайно жизнерадостный открытый человек, и жизни он был рад. И он просто хотел уйти туда, он верил, что смерть – это освобождение, что брненное тело – это броня. Он хотел освободиться, он верил, что его кто-то ждёт. Он хотел снять с себя эту **броню**.

Это финал работы в красном, он настолько погрузился в идеальный мир, в созерцание корней слов, что захотел перейти туда, в тот мир. В песне «Когда мы вдвоем» он прямо об этом поет:

Когда мы вдвоем,
Я не помню, не помню,
не помню о том, на каком
мы находимся свете.
Всяк на своем.

То есть она находилась на этом свете, а он уже пребывал на том свете.

Реальность мира логосов Башлачев ощущал почти физически, что и выразил в шутливой форме в песне «Грибоедовский вальс», написанной после визита Кашпиоровского. Там водовоз Степан Грибоедов, сам решив проверить обман, под действием гипноза превращается в Наполеона, и в результате ощущает себя более живым, чем в реальном мире:

Опалённый горячим азартом,

Он лупил в полковой барабан.
Был неистовым он Бонапартом,
Водовоз Грибоедов Степан.

Пели ядра, и в пламени битвы
Доставалось своим и врагам.
Он плевался словами молитвы
Незнакомым французским богам.

Вернувшись в реальный, «заплеванный» мир, он осознает его ущербность, и решает перейти снова в мир идей:

Он домой возвратился под вечер
И глушил самогон до утра.
Всюду чудился запах картечи
И повсюду кричали «Ура!»

Спohватились о нём только в среду.
Дверь сломали и в хату вошли.
А на них водовоз Грибоедов,
Улыбаясь, глядел из петли.

Таким образом, в средневековом споре между реалистами и номиналистами, Башлачев явно бы выступал на стороне реалистов, утверждавших реальное, а не номинальное существование идей.

Собственно, у Башлачева земная жизнь ассоциировалась с зимою, тогда как духовная и потусторонняя жизнь ассоциировались с весной. В песне «Тесто» он поет:

Когда злая стужа снедужила душу
И люта метель отметелила тело,
Когда опустела казна,
И сны наизнанку, и пах нараспашку —
Да дыши во весь дух и тяни там, где тяжело —
Ворвется в затяжку весна.
Зима жмет земное. Все вести – весною.

Зима жмет земное, стужа снедужила душу, метель отметелила тело, в общем, земная жизнь это там, где тяжело. «Жизнь как истина в черновике». Зимой «ветки колючие обернутся острыми рогатками». Тогда получается, что весна это чистовик, там, где душа дышит во весь дух. Весною с веток прорастают листья воскресения:

листья воскресения да с восточки – весны.

Чтобы перейти от тьмы ночи и зимы, к свету утра и весны, нужно очнуться. Собственно реальный мир и есть сон, от которого Башлачев предлагает очнуться, чтобы самому написать свою судьбу («Трагикомический роман»):

Скрипит пружинами диван.
В углу опять скребутся мыши.
Давай **очнемся** и вдвоем напишем
Трагикомический роман.

В данном случае «очнуться» означает «стать живым», тогда можно написать свою жизнь как записку самому себе («В чистом поле дожди косые»):

Стань живым – доживешь до смерти.

Гляди в омут и верь судьбе —

Как записке в пустом конверте,

Адресованной сам себе.

Эти три инициатических этапа, о которых вкратце было сказано выше и которые подробнее будут рассмотрены далее, представляют собой лишь вехи на пути метафизической реализации, то есть преодоления смерти через постижение и переход в мир идей. Элифас Леви так объясняет смысл самого пути:

Великое делание есть, прежде всего, создание человеком себя самого, то есть, полное и всеобщее раскрытие его способностей, власть над своей судьбой, и, в особенности, совершенное освобождение его воли.

Башлачев завершил свой путь сам, показав эту власть над своей судьбой. Александр Измайлов вспоминает:

Саша хотел написать роман о человеке, который от начала до конца поставил свою жизнь, как спектакль, чтобы доказать окончательную подлинность своих убеждений, погибает по собственной воле; перед смертью не лгут, и вся жизнь станет правдой, если сознательно прошла перед смертью.

По воспоминаниям Парфенова мысли о самоубийстве посещали его с детства. Очевидно, большое влияние на Башлачева оказал и его любимый писатель Генрих Гессе, в особенности его роман «Степной волк». В трактате описываю-

щем степного волка, так и сказано, что его «отличительной чертой была его принадлежность к самоубийцам». Башлачев не придавал самоубийству какого-то драматизма, как он сам выразился: «В конце жизни каждый уничтожает себя как предрассудок».

Да и сама тема смерти была ключевой в творчестве Башлачева. Так в «Слыша Высоцкого» он поет «хорошо и в гробу, лишь бы с дыркой во лбу». «Мечтал застрелиться при всех из Царь-пушки» («Верка, Надька, Любка»). «Зря ты спросил, кто сюда лег. Здесь похоронен ты» («Минута молчания»).

В «Все от винта» он предсказывает свой полет:

Я знаю, зачем иду по земле.

Мне будет легко улетать.

Без трех минут – бал восковых фигур.

Без четверти – смерть.

И также в другом стихотворении предсказывает время: «Я знаю зима в роли моей вдовы» («Осень»).

Молочный путь

Поговорив об уходе, нужно несколько слов сказать и о возвращении, поскольку Башлачев верил в реинкарнацию или перевоплощение. В «Слыша Высоцкого» он поет:

Хорошо, коли так. Коли все неспроста.
Коли ветру все дуть, а деревьям – качаться.
Коли весело жить, если жить не до ста.
А потом уходить – кто куда —
а потом все равно **возвращаться**.

Также Ирина Гутор вспоминает:

Я спросила его как-то: «Что ты думаешь о реинкарнации?» Он мне в ответ: «Если она существует, то мы рухнем сюда обратно, когда нас забудут. До тех пор, пока о нас помнят, у нас есть возможность не воплощаться сюда. Как только нас забывают, мы вновь возвращаемся в какое-то тело, и все по-новой начинается». Люди, по его мнению, догадываются об этом и, поэтому каждый стремится оставить свой след на земле. Но это, конечно, если перевоплощение существует, поскольку в том есть большие сомнения.

Башлачев в песне «Сядем рядом» так и поет:

Да я за разговорами не разберусь
Где Русь, где грусть

Нас забудут – да не скоро,
А когда забудут, я опять **вернусь**

Также Троицкий вспоминает:

Зимней ночью мы шли к платформе Переделкино в надежде на последнюю электричку, и Саша рассказывал мне о переселении душ. Он сказал, что точно знает, кем был в прошлой жизни, и что это было очень страшно. «Давно? – по-любопытствовала. – В средневековье?» – «Нет, – ответил он, – недавно». – «Интересно, – я стал рассуждать о делах, в которые, строго говоря, не очень-то верил, – почему, по какой команде душа вселяется в очередное тело?» – «Я знаю, как это происходит, – сказал Башлачев, – душа начинает заново маяться на земле, как только о ее предыдущей жизни все забыли. Души держит на небесах энергия памяти».

То есть, на земле душа маяется и человек возвращается, когда о нем забывают, когда его «песни станут не нужны»:

Как ветра осенние уносят мое семя...
Листья воскресения да с восточки – весны.
Я хочу дожить, хочу увидеть время,
Когда эти **песни станут не нужны**.

Интересно, что в «Слыша Высоцкого» процесс перевоплощения, как его представлял себе Башлачев, описан буквально в деталях:

Только вечный огонь все равно прогорит.

Пусть хорош этот сон. Только тоже не вечен.
На **Молочном пути** вход с востока открыт
И опять молоко по груди, по губам...
И нельзя изменить место встречи.

«Молочный путь» или Млечный путь всегда считался дорогой, по которой умершие души идут в вечное жилище. Иногда он является двумя дорогами, одна ведет в рай, другая в ад. Также бытует мнение, что если по Млечному пути идет праведная душа, то на земле видно яркое мерцание, а если грешник – просто ровный мутный свет.

В целом очевидно, что млечный путь воспринимался как путь души на тот свет, и соответственно обратно. То есть, по Башлачеву, когда душу забывают, на «Молочном пути» открывается вход с востока, и душа воплощается и начинает снова сосать молоко:

И опять **молоко** по груди, по губам...
И нельзя изменить **место встречи**.

Место встречи – земля. Для чего приходят на землю? – спрашивает в песне «Как ветра осенние»:

Как ветры осенние жали – не жалели рожь...
Ведь тебя посеяли, чтоб ты пригодился.
Ведь совсем неважно, от чего помрешь,
Ведь куда важнее, для чего ты родился.

В песне «Спроси, Звезда» Башлачев уже дает ответ:

Звезда! Зачем мы **вошли сюда?**

Мы пришли, чтобы разбить эти латы из синего льда.

Мы пришли, чтобы раскрыть эти ножны из синего
льда.

Башлачев воплотился, чтобы «пробить броню»:

Дырявый висок. Слепая орда.

Пойми, никогда не поздно снимать **броню**.

Целуя кусок трофейного льда

Я молча иду к огню.

Возможно в этом контексте, Башлачев также задумывается и о воздаянии, которое можно понимать не только в этой жизни, но и в следующей, учитывая его веру в перевоплощение. Так в песне «Вечный пост» видим:

Пусть пребудет всякому по нутру.

Да **воздастся** каждому по стыду.

А также в «Вишне»:

Всем **дается** по душе,

Всем на белом свете.

В каждом добром мальчишек,

В женщинах и в детях

Густой замес

В связи с отсутствием православной религиозной жизни советская псевдорелигиозность того времени (конца 70-х – начала 80-х годов) представляла собой смесь из разных представлений о переселении душ, астрологии, йогах, инопланетянах, экстрасенсах, народной медицине, альтернативной истории. Владимир Высоцкий был довольно чуток к этим концепциям, успешно выражая их в своих юмористических песнях. Башлачев, однако, относился к этому гораздо серьезнее и трагичнее, о чем говорилось в предыдущей главе.

В целом, мировоззрение Башлачева состояло из «густой смеси» индоевропейской, в частности буддийской, мифологии, славянского язычества и христианских образов. Башлачев сам говорит об этом так:

Вот, недавно одна моя знакомая сдавала зачет по атеизму. Перед ней стоял такой вопрос: «Основная религия». Я ей сказал: «Ты не мудри. Скажи им, что существует Имя Имен (если помнишь, у меня есть песня по этому поводу). Это Имя Имен можно представить как некий корень, которым является буддизм, суффиксом у него является ислам, окончанием – христианство, а приставки – идиш, ересь и современный модерн.

Интересно, что христианство он считает лишь «окончанием», и если буддизм это корень дерева, тогда христианство это «листья воскресения» в песне «Как ветра осенние»:

Как ветра осенние уносят мое семя
Листья воскресения да с восточки – весны

Известна одержимость Башлачева поиском корней, в связи с чем, поскольку буддизм он назвал корнем, можно предположить, что он должен был быть хорошо знаком с буддизмом и индоевропейской мифологией. Об этом также косвенно свидетельствует его увлечение Германом Гессе. Скорей всего он зачитывался не только «Степным волком», но и «Сиддхартхой».

Относительно буддизма также вспоминает его жена Анастасия Рахлина:

Я туда приезжаю. Они сидят. Какой-то чувак с буддийскими колокольчиками... Ирина (Линник) играет на пиле. Саня сидит со специально расстроенной гитарой, и они камлают таким образом. При этом зима, люди спать ложатся на рассвете, а просыпаются, когда солнце уже зашло. Недолго и чокнуться... Его там накрыло будьте-наме.

Но по мировоззрению он все же был русским язычником, о чем свидетельствовала Ирина Линник (Кузнецова). У Башлачева должно было быть довольно глубокое проникновение в славянскую мифологию, скорей всего через погру-

жение в русские народные заговоры. Вячеслав Задерий вспоминает:

Когда Сашка писал «Ваню», он перечитал множество частушек, у него была чудесная книга заговоров и наговоров, изданная до 17 года, с «ять» еще...

Помимо заговоров Башлачев не мог не быть знаком с работой Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (1865). Афанасьев являлся главным составителем сборника русских народных сказок. Как поет Башлачев в «Слыша Высоцкого»:

Лучше семь раз услышать – один раз сказать
или построить, сварить или спеть, доказать,
Но для этого в **сказке** ты должен почуять
подсказку.

Чтобы ту же вязать, чтобы ту же вязать
Нужно чувствовать близость развязки.

Башлачев «почуял» этот путь интуитивно через искренность в своем творчестве и работу со словом. «Пока пою, пока дышу, дышу и дУшу не душУ». Именно самоотверженная работа с русским словом стала тем мостом, который позволил ему перейти в мир корней-идей:

Да знаешь, я дышу и дышу не дышу. Я стараюсь не врать ни в песнях, ни в жизни, я стараюсь не предать любовь. Это самая страшная потеря – потеря любви, любви к миру, к себе, к людям, к жизни. Я это только обретаю. Я жил всю жизнь больным человеком,

темным, слепым, глухим.

Судя по всему в какой-то момент Башлачев получил некое мистическое озарение, которое сразу стало видно в том, как изменились его стихи от смеховых до магических. Александр Агеев вспоминает слова Башлачева:

*Башлачев объяснял, что каждому человеку отпущена определенная доля творчества, которую он получает в течение всей жизни по чуть-чуть. Но если человек очень захочет и очень попросит, то все это ему будет выдано **сразу**. Я попросил, – говорил он, не уточняя, кого и как.*

Как Башлачев поет в песне «Верка, Надька, Любка»:

*И **разом** в орла превратился из решки.
И душу с душком, словно тело в тележке,
Катал я и золотом правил орешки,
Но чем-то понравился Любке.*

Тетрадь

Прежде чем более подробно рассмотреть этапы его Пути, нужно отметить, что Башлачев разработал целую технологию работы со словом, с графиками и схемами как слова цеплялись корнями одно за другое, превращаясь в предложения. Константин Кинчев (группа «Алиса») так это описывает в своих воспоминаниях:

Планку он всем поставил будь здоров. Человек у тебя живет, показывает свои тетрадки, показывает формулу написания – какое слово за какое цепляется. Целая структура у него была разработана, и здесь технологии очень много. Ведь каждое слово должно вытекать одно из другого, подчеркивая и подкрепляя его, слова превращаются в предложение, которое стимулирует рождение следующего предложения, состоящего из таких же слов. И он чертил графики и схему, стрелочки рисовал, как одно слово с другим должно соотноситься. Не в рифме дело, а должно соотноситься именно смыслово. И стилистически как они должны завязываться и, соответственно, начинать играть благодаря этой огранке, гореть, как бриллианты. Да, он так работал.

Эта тетрадка упоминается в песнях и самим Башлачевым в песне «От Винта!»:

Рука на плече. Печать на крыле.

В казарме проблем – банный день.
Промокла **тетрадь**.

Также в «Чистом поле дожди косые»:

Но я разгадан своей **тетрадкой** —
Топором меня в рот рубите!
Эх, вот так вот прижмет рогаткой —
Иль любить или не любить!

Более предметно эту работу со словом описывает Дуняшин⁴:

Он <Башлачев> достал листок бумаги и написал слово «Христос» и потом начал писать производные от него, как в известной игре. «Сто», «сто-лица», «история», «сто-л», «хресто-матия»... он продолжал этот ряд слов. А потом поведал, что многие слова – это производные от ста как частицы слова «Христос». И поскольку во всех нас живет Бог, только в той или иной степени, мы все имеем дело с его творениями, когда в их названиях присутствует морфема «сто»

Вполне возможно, что в какой-то момент Башлачев пришел к тому, что слова даны искусственно, и это было одной из причин его депрессии. Дмитрий Ревякин (группа «Калинов мост») вспоминает:

Мы говорили о языке, об алфавите, о том, как он это все видит, представляет. Что он разочарован, что это

---

⁴ Дуняшин А. Загадки Саши Башлачева // Рок-хроника (Свердловск, приложение к газете «На смену»). 1991. №2 (5).

все искусственно дано, какие-то свои предположения и свои исследования по поводу алфавита рассказывал...

Таким образом, корни слов представляют для Башлачева загадки, например такие как «серпы в ребре, да серебро в ведре». Корни слов дают ствол с ветками, этот ствол превращается в «полено сучье» в песне «Сядем рядом». Ветки же оборачиваются острыми рогатками, как поется в «Ржавой воде»:

Но ветки колючие обернутся острыми **рогатками**.
Да корни могучие заплетутся грозными **загадками**.

Рогатка означает вилку, дуальность, две противоположные точки зрения, например «быть или не быть»:

Быть иль не быть в чем вопрос
если быть не могло по другому

Или «любить или не любить»:

Эх вот так вот прижмет рогаткой
иль любить или не любить

В «Когда мы вместе» рогатка превращается в надвое разрезанный язык:

Целовало   меня   Лихо   только   **надвое**
разрезало язык...

А приглядись да за Лихом – Лик, за Лихом – Лик.

Башлачев в интервью Юхананову так это поясняет:

Понимаешь, истина никогда не лежит между

двумя противоположными точками зрения, они всегда истинны. Всегда существуют две противоположные друг другу истины, и каждая из них абсолютно верна по-своему. То, что истина лежит где-то посередине, — это вздор. Между ними — не истина, между ними — проблема. И как только ты ее решаешь, эти две истины примиряются естественным образом. К проблеме сразу возникает контрпроблема, и так далее. Утверждая то или иное положение, мы просто должны помнить, что существует контристина, которая безусловно важна. И когда я говорю, что мы не должны форсировать намеренно, это правильно, но также правильно и то, что мы должны вести постоянный поиск. Слушать свою душу.

Работа в черном

Очищение

Согласно христианской аскетике ум до падения был простым и сосредоточенным в Божественном Принципе, после падения это единство было разбито, ум стал раздроблен и рассеян в материальных объектах.

В соответствии с символикой центра и окружности, изложенной Рене Геноном⁵, множественность мира может быть представлена как окружность, а состояние единства ума, как центр окружности. В книге Бытия окружность это змея свернутая вокруг Древа Познания Добра и Зла в центра рая. Вкусив плод с Древа Познания, ум был выброшен из символического центра на периферию, единство ума было раздроблено и он оказался рассеянным во множественности материи.

Это рассеяние ума не дает ему вновь вернуться к Древу Жизни, которое тоже находилось в центре рая. В Евангелии, страсти, которые суть не что иное, как привязанность ума к множественности материи, символизируются «бога-

---

⁵ Рене Генон. Символизм креста.

тым человеком» (Мф 19.23) или Марфой, которая «заботилась и суетилась о многом» (Лк 10.41), хотя на самом деле «одно только нужно», что Мария избрала. «Широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» (Мф 7.13). Отрешая силы души от этих многочисленных привязанностей и соединяя их на одном центре, человеческий ум может снова перейти от множественности окружности к ее центру, «игольему ушку» (Мф 19.24), сквозь которое могут пройти только «нищие духом» (Мф 5.3). «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф 7.14). Василий Великий так пишет:

Когда ум, не рассеивается по внешним предметам и не развлекается миром под влиянием чувств, тогда он входит в самого себя, а от себя восходит к мысли о Боге.

Это обращение ума от окружности материального мира («отвращение от множества») в себя, в центр (ум «становится единоличным») соответствует возвращению в рай, в первоначальное состояние Адама до падения. Это центрирование и есть цель ступени очищения, работы в черном.

Возможно, о таком центрировании говорит Башлачев в интервью Борису Юхананову:

Человечество единым гуртом дошло до этого рубежа. Но надо, чтобы из тебя рванулось и ты вдруг понял, что ты – часть целого! Часть всего! Всего, что в этом мире есть! И всё это – ты. То есть по формуле

«Я + всё». **Каждый – центр!** Не то что ты слился, это – не «Солярис». Каждый – центр, совершенно индивидуальный центр, совершенно неповторимый. Его душа! Не важно, как он выглядит, что он носит, и что там в нем нанесло: что от плоти, что от духа. У каждого своя комбинация: чем больше в тебе души, тем меньше на тебя будет плоть давить.

На этом этапе происходит самопознание. Человек осознает, что он не есть ни тело, ни ощущения, ни мысли, а ничто. Центр это точка, отсутствие пространственных измерений, то есть черная дыра. Башлачев так и поет в песне «Черные дыры»:

Я вижу черные дыры.

Холодный свет.

Черные дыры...

Смотри, от нас остались черные дыры...

Нас больше нет.

Есть только черные дыры.

Основными символами, характеризующими этот этап, по которым можно отождествить человека, его прошедшего являются: черный цвет, крест (винт, мельница), (духовная) война.

Мельница

Черный цвет является символом ступени очищения, поэтому она и называется работа в черном. Черный цвет также используется Башлачевым для описания этой ступени. В песне «На жизнь поэтов» поэты названы ангелами «чернорабочими», у которых «душа в черном теле»:

Пусть не ко двору эти ангелы **чернорабочие**.

Прорвется к перу то, что долго рубить и рубить
топорам.

Поэты в миру после строк ставят знак кровотечения.
К ним Бог на порог. Но они верно имут свой срам.

Ну вот, ты – поэт... Еле-еле душа в **черном** теле.
Ты принял обет сделать выбор, ломая печать.
Мы можем забыть всех, что пели не так, как умели.
Но тех, кто молчал, давайте не будем прощать.

Однако наиболее ярким является использование черного цвета в песне «Мельница», которая как раз и описывает работу в черном и путь посвященного к центру:

Черный дым по крыше стелется.
Свистит под окнами.

– В пятницу да ближе к полночи
не проворонь, вези зерно на мельницу!

Черных туч котлы чугунные кипят
да в белых трещинах шипят гадюки-молнии.

Черный дым ползет из трубочек.
Смеется, прячется в густые бороды.

Собственно, мельница это и есть вращающийся крест:

Что, крутят вас винты похмельные —
с утра пропитые кресты нательные?

Мельница у славян всегда была связана с чертом и водяным. Афанасьев пишет⁶:

Жернова и мельница обозначаются в народных загадках теми же самыми метафорами, какими живописуются и грозовые тучи... Представление грозовой тучи — мельничным снарядом ярко засвидетельствовано шведским названием облака *moln* (на островах шведских *muli*, *mulle*, *molne*, дате. *mulm* = буквально: «мелющее»). Очевидно, что под влиянием этого поэтического воззрения дождь, град и снег, рассыпаемые тучами, должны были казаться теми небесными дарами, какие мелет облачный жернов. И действительно, в снеге, который уже своей белизною и рыхлостью напоминает смолотый хлеб, видели падающую с неба муку, и на скандинавском наречии снег назывался *mjoll* (мука). ...У нас в областных говорах: бус — мелкий дождь и мучная пыль, бусить — идти дождю со снегом, моросить и пылить мукою;

---

⁶ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. 1865

мелкий град называется крупною, а мельница для обработки гречихи, проса и ячменя – крупорушкою.

Мельница принималась за поэтическое обозначение громоносной тучи и что именно в этом представлении кроется основа мифической связи водяного с мельницами. На каждую мельницу полагают по одному водяному, и даже более – если она имеет два и три постава: всякой водовик заведует своим колесом, или, как выражаются белорусы: «всякий черт на свое коло воду цягнет».

Башлачев так и поет:

– Здравствуй, Мельник Ветер-Лютый Бес!
Ох, не иначе **черти** крутят твою карусель...

Вращение винтов мельницы, карусель, и есть буддийское вращение колеса **сансары**. В «Мельнице» хорошо ощущается обреченность посвященного, идущего по пути очищения, который предполагает смерть для материального мира:

Ближе лампы. Ближе лица белые.
Да по всему видать – пропала моя голова!

Ох, потянуло, понесло, свело, смело меня
на камни жесткие, да прямо в **жернова**!

Тесно, братцы. Ломит-давит грудь.
Да отпустили б вы меня... Уже потешились.

Тесно, братцы. Не могу терпеть!
Да неужели не умеем мы по-доброму?

Путь к мельнице и есть путь к центру креста, который сопровождается духовной бранью с темными силами. Подобное описание демонической атаки видим и в «Ванюше»:

И навалились, и рвут рубаху,
И рвут рубаху, и бьют с размаху.
И воют глухо. Литые плечи.
Держись, Ванюха, они калечат!

Как только центр достигнут, крест и колесо (окружность) исчезают – «сгорело к черту все». Карусель чертей, колесо сансары остановлено, дальше нужно идти «от винта»! Затем герой находит три последних зернышка, из которых выпекает хлеба, чтобы накормить всех, кто пришел туда.

Пуст карман. Да за подкладкой
найду я **три** своих последних **зернышка**.

Брошу в землю, брошу в борозду —
к полудню срежу три высоких колоса.

Разотру зерно ладонями
да разведу огонь да испеку хлеба.

Преломлю хлеба румяные
да накормлю я всех тех, кто придет сюда
тех, кто придет сюда
тех, кто поможет мне

рассеять **черный** дым

Накормление хлебами в песне воспроизводит евангельское насыщение пятью хлебами пяти тысяч людей. Символически, отрешение от периферии окружности и достижение центра креста открывает возможность прямого общения с Божественным Принципом, «Хлебом Свыше», которым можно накормить множество народу. «Хлеб свыше» и есть «Слово Божие», «Имя Имен». Все, кто его слушают, услышат одновременно, поэтому одним Словом можно накормить тысячи человек, всех, кто придет сюда его услышать.

Мельница, будучи вращающимся крестом, также является и самолетным винтом, поэтому уходя от мельницы в вертикальный полет (работа в красном), Башлачев говорит:

Ну, что ты, смелей! Нам нужно лететь!

А ну от винта! Все от винта!

В «Мельнице», благодаря использованию трех зернышек, Башлачев переосмысливает русскую народную песню «Во поле береза стояла»:

Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла;
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати.
Люли люли заломати

Я ж пойду, пойду, погуляю,

Белую березу заломаю;
Срежу с березы три **пруточка**,
Сделаю с березы три **гудочка**,
Сделаю четверту балалайку;

Пойду на новыя на сени,
Стану в балалаечку играть,
Стану я старого будити:
Встань ты, мой старый, проснись,
Борода седая, пробудился!

В «Во поле береза» нашлась жена, которая смогла «заломать березу» – тут можно вспомнить еще одну песню Башлачева «Некому березу заломати». Из березы делает жена три гудочка и балалайку, чтобы пробудить от сна своего старого мужа. В «Мельнице» из «трех последних зернышек» делаются хлеба, которые пробуждают всех от духовного плена. В своем интервью Башлачев так описывает смысл «гудочка» (дудочки) и «пруточка» (розги) из «Во поле березы»:

Я просто хочу сказать, что надо искать корень своей души. Каждый должен поискать корень своей души. Мы живем на русской земле, и мы должны искать корень свой, русский. И он даст ствол, а ствол даст ветви, а к ветвям подойдет музыкант. Он ветвь срежет, из коры сделает **дудочку** и будет на ней играть, а саму ветвь использует в качестве **розги**, скажем так, вицы. И вот будет он этой вицей сечь, а люди бояться, когда их секут, им больно. Они понимают, что секут не для того, чтобы

сечь, а для того, чтобы высечь. А высечь можно искру из человека, если его сечь.

От слова сечь происходит также слово секира, которая является разновидностью топора. Таким образом, рубить топором означает у Башлачева высекать искры:

Но я разгадан своей тетрадкой —

Топором меня в рот **рубите!**

Эх, вот так вот прижмет рогаткой —

И любить или не любить!

Работа в белом

Просвещение

Падение ума произошло через «похоть очей» (1 Ин 2.16), которое привело к раздробленности и разделению человеческого состава. Таким образом, чтобы преодолеть падение, нужно созерцать творение духовным умом, очищенным от этой похоти очей, и использовать творение в качестве опоры или символа для созерцания Бога. В этом состоит смысл второй ступени – просвещения или природного созерцания (согласно Максиму Исповеднику):

Возможно видимое творение и названо древом познания добра и зла, поскольку оно обладает и духовными логосами, питающими ум, и природной силой, улаждающей чувство, а ум извращающей. Таким образом оно дает ведение добра, когда созерцается духовно, и ведение зла, когда воспринимается телесно.

Будучи в раю, Адам пал, направив свое духовное зрение на чувственные объекты, и после падения ум стал плотским и не способным к возвышению над собой и созерцанию духовных логосов. Апостол Павел говорит о природном созерцании, что «невидимое Его, вечная сила Его и Боже-

ство, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим 1.20). И авва Евагрий пишет об Антонии:

К праведному Антонию пришел некто из тогдашних мудрецов и сказал: «Как выдерживаешь ты, отче, лишенный утешения, получаемого от книг?». Тот же ответил: «Книга моя, философ, есть природа сотворенных вещей, и она всегда под рукой, когда хочу я прочитать слова Божии».

Созерцание ближнего «духовными очами» позволяет «полюбить его как самого себя». Но что в таком случае есть любовь к самому себе? В Псалмах мы читаем «любящий неправду ненавидит душу свою» (Пс 10.5), что означает, что если хотим любить, а не ненавидеть свою душу, необходимо возлюбить справедливость, как противоположность неправды. Только после того, как человек исправится на ступенях очищения и просвещения и достигнет центра, человек может, по настоящему, возлюбить себя. Достигнув центра, он автоматически достигает правильной, без эгоизма любви к ближнему. И именно в этом смысл второй заповеди Христа – «возлюби ближнего своего как самого себя» (Мф 22.39), которая невозможна без первой заповеди – «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» (Мф 22.37). Всем сердцем, душою и разумением означает соединение всех трех сил души в одной точке и направление их к Божественному Принципу. Авва Дорофей так это описывает, используя символизм

центра и окружности:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.